

и репрессиям у себя на родине, томившихся в бериевских лагерях.

Брестская крепость, в которой открылась духовная высота русского человека, его способность претерпеть страшные муки и умереть «за други своя», в которой в первый же день войны проявилась готовность к самопожертвованию во имя Родины и невиданная сила сопротивления врагам Отечества, вырастает в книге в символ всей России.

Подвигам русского солдата посвящены также книги С. «**В поисках неизвестных героев**» (1963), «**Герои блока смерти**» (1963), пьеса «**Люди, которых я видел**» (1958), киносценарии «**Его звали Федор**» (1963), «**Катюша**» (1964), «**Они шли на восток**» (1965), «**Город под липами**» (1968) и др.

Соч.: СС: в 3 т. М., 1973.

Лит.: Воспоминания о С. С. Смирнове. М., 1987; Смирнов К. Я жизнь мою прожил, я не видал покоя // Огонек. 1988. № 27.

А. М. Любомудров

СМОЛЕНСКИЙ Владимир Алексеевич [24.7 (6.8).1901, Луганск Екатеринославской губ.— 8.11.1961, Париж] — поэт.

Происходил из потомственных дворян Донского края, отец — полковник, расстрелян большевиками в 1920. В письме к З. А. Шаховской от 4 июля 1935 С. сообщает о себе: «Начиная с 18-ти лет воевал с большевиками в добровольческой армии, с которой и эвакуировался из Крыма в 21-м году. 2 года жил в Африке и Тунисе, где и начал впервые писать стихи, потом приехал во Францию, года два работал на металлургических и автомобильных заводах. Потом получил стипендию, кончил в Париже гимназию, учился в Сорбонне и коммерческой академии. Теперь служу бухгалтером в одном винном деле...» (Шаховская З. В поисках Набокова. Отражения. М., 1991. С. 168–169). С середины 1920-х С. постоянно жил в Париже, входил в группу поэтов «Перекресток» (возникшую в 1926), культивировавшую строгие, традиционные поэтические формы и ориентировавшуюся на творчество В. Ф. Ходасевича (С. считал себя его учеником; см.: **Мысли о Владиславе Ходасевиче** // Возрождение. Париж. 1955. № 41), был председателем Союза молодых поэтов и писателей.

Уже в ранних поэтических опытах С. обозначились основные темы и настроения его лирики — мотивы отчаяния, гибели, отчуж-

В. А. Смоленский

денности от жизни, разуверения в идеалах: «Его тема — любовь, смерть, одиночество и в то же время воля к жизни и надежда найти „там“, за пределами земли, высший смысл бытия» (Терапиано Ю. Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924–1974). Париж; Нью-Йорк, 1987. С. 205). Первая книга стихов С. «**Закат**» (Париж, 1931) явилась одним из наиболее ярких достижений молодой эмигрантской поэзии; доминировавшая в ней пессимистическая тональность была воспринята не только как отражение индивидуального умонастроения и психологии автора, но и как характернейшая особенность мироощущения «эмигрантских молодых людей», с преобладающими в нем мотивами «прозябания, скуки, жалости к самому себе» (Адамович Г. // Последние новости. 1932. № 3956. 21 янв. С. 3). В. Ф. Ходасевич, также увидевший в поэзии С. концентрированное воплощение того, «что разрозненно бродит в стихах весьма и весьма многих его сверстников», обращал внимание на внутреннюю опустошенность поэта, отчужденность от подлинных жизненных ценностей: «Уже сейчас он живет как будто не в жизни, а в воспоминании о жизни, еще недавно существовавшей. <...> Если он еще жив, то только потому, что в нем еще бродит воспоминание о мире, которого он уже не застал, который уже на-

ходит за его горизонтом и лишь оттуда пускает свои последние лучи веры, любви, „идеала“; отметив, что стихи С. «очень умелы, изящны, тонки», Ходасевич, однако, подчеркнул, что и поэтика С.— «закатная, отраженная»: «Смоленский принимает ее готовой от поэтов самого недавнего прошлого, но от людей совершенно иного душевного строя и иных мыслей» (Возрождение. 1932. № 2410. 7 янв. С. 5). П. М. Бицилли, сводивший худож. смысл «Заката» к «своего рода внутренне-противоречивому „утверждению Ничего“», находил в творчестве молодого автора черты сходства с поэзией Г. В. Иванова — с оговоркой, что стихи С. «суше, чуть-чуть рассудочнее, сдержаннее» (Совр. записки. 1932. Кн. 49. С. 451).

В 1930-е стих. С. регулярно печатались в ж. «Совр. записки», в этом же издании вышла в свет его вторая книга стихов **«Наедине»** (Париж, 1938), развивавшая идейно-эстетические принципы, заложенные в «Закате». Она вновь убеждала в подлинности и силе лирического темперамента С.; трагическое мироощущение автора воплощалось в строгих формах классического стиха, в стройных поэтических композициях, с использованием стилистически и логически выверенной языковой фактуры. Ю. Терапиано отмечал, что С. «обладает верным инстинктом, направленным к существу жизни. Он не берет жизнь только на ее поверхности, но инстинктивно устремлен через нее внутрь, к существу, к внутреннему смыслу» (Круг. Париж. [1938]. Вып. III. С. 174). Ходасевич полагал, что С. стоит «на почве очень верной поэтики», но «следует ей, быть может, слишком прямолинейно»: «Отсюда — его преувеличенное стремление к законченности, к стройности, нередко приводящее его к затянутости в какой-то эстетический корсет. <...> Отсюда — налет какого-то тайного внутреннего благополучия, столь не идущего к неблагополучной его тематике» (Возрождение. 1938. № 4139. 8 июля. С. 9).

Во время немецкой оккупации Франции С. сначала жил в Аррасе, где работал на часовом заводе, затем в Париже (см. его «Воспоминания» // Возрождение. 1960. № 98). После войны С.— один из составителей лит. альм. «Орион» (Париж, 1947), в котором напечатал 1-ю главу («**Детские годы Тристана**») своего перевода «Романа о Тристане и Изольде» (1900) Жозефа Бедье (др. главы опубликованы в ж. «Возрождение» [1955. № 43, 45, 46]), участник крупнейших литературных журналов русской эмиграции, в которых регулярно появляются его стихи и ста-

ти (**Мистика Александра Блока** // Возрождение. 1955. № 37, 38; **Мысли о Чехове** // Вестник РСХД. 1955. № 37, и др.). По свидетельству К. Д. Померанцева, С. был самым популярным русским поэтом послевоенного времени в Париже («Когда он выступал в Русской консерватории, большой зал был всегда полон, иногда и переполнен» // Померанцев К. Сквозь смерть. Воспоминания. [London], 1986. С. 34), что объяснялось как его незаурядным декламационным даром, так и тематическими особенностями мн. его стихов, пронизанных ностальгическими переживаниями, воспоминаниями о старой России и о Гражданской войне: «У него был массовый читатель: обездоленные эмигранты, читая его стихи, проклинали большевиков или же — вздыхали, плакали, но и улыбались сквозь слезы, вспоминая об утраченной родине. Смоленский — мелодический поэт, склонный к мелодраматизму, к театральности» (Иваск Ю. Поэзия «старой» эмиграции // Русская литература в эмиграции: сб. статей / под ред. Н. П. Полторацкого. Питтсбург, 1972. С. 60). Третья книга стихов С. **«Счастье. 1939–1956»** вышла в свет в составе его итогового **«Собрания стихотворений»** (Париж, 1957), включавшего и две ранее изданные книги. В новых стихах С. критики отмечали большую философскую углубленность и образную подлинность, чем в ранних книгах: «Его сомнения, его тревога и даже неверие порой уступают теперь место надежде, поэт обращается к Богу уже не в прежней, чисто риторически-холодной форме, как к чему-то условному, но внутренне, уже с молитвенным чувством» (Терапиано Ю. // Опыты. Нью-Йорк, 1958. Кн. 9. С. 94). Преобладавшее в ранних стихах С. чувство трагической обреченности, безысходности и бессмысленности существования восполняется обостренным переживанием реальности идеального мира, духовной родины. Последняя книга С. **«Стихи. 1957–1961»** (Париж, 1963) вышла в свет после его смерти (собрана и издана его вдовой Таисией Смоленской); как и в прежних книгах С., в ней тема индивидуальной судьбы неразрывно сплетена с темой России и ее исторической участи: «И не прощено, не раскаянно, / В гордыне, ужасе и зле / И в страхе бродит племя Каина / По русской авельской земле» (С. 39).

Соч.: «О гибели страны единственной...»: Стихи и проза / сост. В. Леонидов. М., 2001.

Лит.: Злобин В. Поэт нашего времени В. Смоленский // Возрождение. 1957. № 70; Горская А. Памяти Влади-

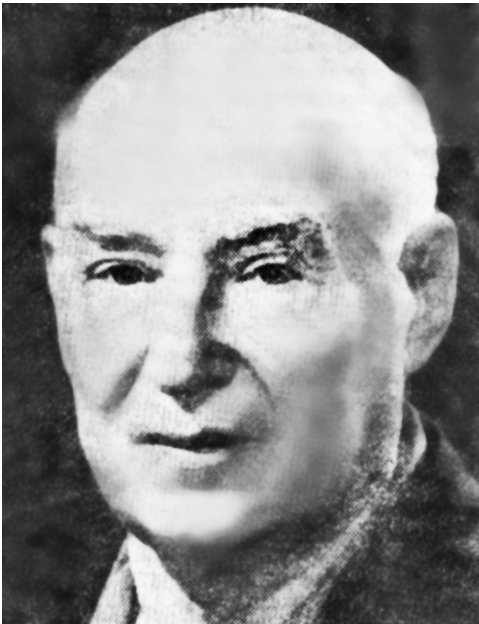
мира Смоленского // Возрождение. 1961. № 120; Величковская Т. А. О Владими́ре Смоленском // Возрождение. 1963. № 142; Померанцев К. Оправдание поражения // Лит. обозрение. 1990. № 7.

А. В. Лавров

СНЕГОВ Сергей (настоящее имя Сергей Александрович Штейн) [23.7(5.8).1910, Одесса — 23.2.1994, Калининград] — прозаик.

(Некоторые источники указывают на Снегова как на Сергея Иосифовича Штейна, однако это неверно, поскольку И. Штейн был отчимом С.). С. провел юность в Одессе, где окончил в 1932 Одесский химико-физико-математический ин-т. В том же году он переехал в Ленинград, где проработал 4 года инженером на заводе «Пирометр». В 1936 был репрессирован; 20 лет провел в тюрьме, ссылке; значительную часть этого срока как заключенный, расконвоированный заключенный и вольнонаемный ссыльнопоселенец проработал на различных инженерных должностях на Норильском горно-металлургическом комбинате и во входящем в систему ГУЛАГа оборонном ин-те. В 1957, будучи полностью реабилитирован, одновременно дебютировал в лит-ре, стал профессиональным писателем и переехал в Калининград, где и прошли все последующие годы его жизни.

Первый роман С. «**В полярной ночи**», опубликованный в «Новом мире» (1957),

С. Снегов

был написан в значительной мере на автобиографическом материале; здесь проявилась острая наблюдательность над реалиями ссыльно-лагерного быта, умение понять и адекватно выразить как психологическую, так и антуражную деталь. В дальнейшем С. продемонстрировал мастерство бытописателя в повестях «**В тихом углу**» (1960), «**Река прокладывает русло**» (1961), «**Учительница**» (1970), «**Взрыв**» (1983), «**Над нами полярное сияние**» (1983), «**Весна ждать не будет**» (1983) и др.

Жизнь в крупном портовом городе, общение с моряками рыболовного флота и несколько выходов в море на траулерах позволили С. с успехом выступить на поприще маринистики в повести «**Держи на волну**» (1970), романе «**Ветер с океана**» (1977) и некоторых др. произведениях.

Однако наибольшую известность С. приобрел как писатель-фантаст. Дебютировал С. в этом жанре в 1964 повестью «**Тридцать два обличья профессора Крена**». В 1966 в антологии фантастики «Эллинский секрет» появилась 1-я книга трилогии «**Люди как боги**», 2-я — «**Вторжение в Персей**» (1968), 3-я — «**Кольцо обратного времени**» (1977). Первые две книги отдельным томом были выпущены в Калининграде в 1971, а трилогия полностью издавалась в 1982, 1986, 1992 и 1993. Ее название содержит отсылку (скорее вариативную, нежели полемическую) к одноименному роману Герберта Уэллса. Сама же трилогия являет сплав масштабной коммунистической утопии (наиболее впечатляющей в советской лит-ре после «Туманности Андромеды» И. Ефремова), космического боевика (так называемой «космической оперы» — опять-таки не знаящего себе равных в отечественной практике по размаху и яркости описания звездных баталий) и научной фантастики, на редкость богатой оригинальными идеями и трактовками традиционных для фантастики идей. Эти разнородные, казалось бы, пласты удачно цементировались пронизывающей текст иронией, которую сам писатель определял даже как «мягкую пародийность», обращенную, по его мнению, в равной мере на «космическую оперу» и библейские сюжеты. Мудрая ироничность действительно придала трилогии неожиданную для фантастики психологическую глубину. В 1970-е в Лейпцигском ун-те состоялась специальная конференция, в которой участвовали физический, исторический и философский ф-ты, а также гости, приглашенные из др. немецких ун-тов, полностью посвященная дискуссиям вокруг три-